La Comédiathèque

Верёвка

Jean-Pierre Martinez

comediatheque.net

Текст этой пьесы можно скачать бесплатно.
Однако для любого публичного исполнения пьесы
необходимо предварительно получить разрешение автора.
Чтобы связаться с Жан-Пьером Мартинесом
и запросить разрешение на постановку его произведения:
https://comediatheque.net
https://jeanpierremartinez.net

Верёвка

Жан-Пьер Мартинес

Перевод и адаптация на русский язык

В стране, где правит тиран, нарастают протесты и свирепствуют репрессии. Военный врач и священник спорят о том, что важнее: священный долг их профессии или гражданский долг каждого из них. На кону — жизнь диктатора, а вместе с ней судьба режима: удержится ли он у власти или приблизится его падение...

Действующие лица

Врач

Священник

© La Comédiathèque

Кабинет военного врача в Президентском дворце. Ни место, ни эпоха не обозначены. Но над столом висит парадный портрет генерала в мундире, увешанном орденами: ясно, что страна находится под властью тирана. Врач в белом халате сидит за столом. Он может быть любого возраста, хотя возраст, разумеется, повлияет на характер персонажа. Он достаёт из папки медицинский снимок, встаёт и рассматривает его на свет у воображаемого окна со стороны зрительного зала. Звонит телефон. Врач возвращается к столу, кладёт снимок в папку и берёт трубку.

Врач — Да, сержант?.. Да... Хорошо, пропустите его...

Входит священник в чёрной сутане. Он может быть молодым или пожилым; его возраст и разница в возрасте с врачом повлияют на характер их отношений.

Священник — Капитан...

Врач встаёт ему навстречу.

Врач — Здравствуйте, отец... Или мне следует называть вас лейтенантом? Ведь вы тоже военный.

Священник — Времена воинов-монахов давно прошли. Прежде всего я — дворцовый капеллан. Как вы, полагаю, прежде всего врач. Нас ведь не направляют в боевые подразделения, верно? Наше дело — поддерживать сослуживцев и помогать им, когда потребуется.

Врач — Боюсь, в бою от нас обоих было бы мало толку.

Священник — Если хотите, буду называть вас доктором.

Врач — Зовите как угодно, отец... Только не «сын мой».

Священник — Постараюсь запомнить.

Врач — Во всяком случае, спасибо, что так быстро пришли. По правде говоря, вы первый. Прошу, садитесь... Кофе? Может быть, булочку?

Священник — Благодарю, не надо. *(Садится.)* Итак... Речь, кажется, о прививке?

Врач — Надеюсь, вы не боитесь уколов?

Священник — Нет... Хотя должен признаться: я куда-то задевал свою прививочную книжку.

Врач — Не беспокойтесь. Ни один из моих пациентов ещё не предъявил мне такую книжку. Да и я сам не уверен, где моя...

Священник — Тогда я в вашем распоряжении, доктор.

Врач — Во дворце привьют всех, знаете ли... Столько сейчас вирусов ходит... Генерал в прекрасной форме, но ему уже не двадцать. Он почти не покидает дворец, однако от любой заразы извне его нужно беречь особенно тщательно. Поэтому необходимо привить ближайшее окружение и всех, кто может с ним контактировать.

Священник — Разумеется. Раньше это называли санитарным кордоном, если не ошибаюсь...

Врач — Будем надеяться, в медицине такой кордон действует лучше, чем в политике...

Священник — Я каждый день молюсь за Генерала, но прекрасно понимаю, что помощью науки пренебрегать нельзя.

Врач — Мы, можно сказать, разделили обязанности. Как личный врач Генерала я забочусь о здоровье его тела. А вы, как духовник, — о спасении его души.

Священник — И ещё неизвестно, кому досталась более тяжёлая задача...

Врача удивляет эта осторожная, почти крамольная реплика, и он решается говорить откровеннее.

Врач — Да, времена у нас нелёгкие. Дворцовый врач не сталкивается напрямую с тем, с чем приходится иметь дело коллегам, но я знаю: в последние дни больницы переполнены ранеными.

Священник — Недавние беспорядки унесли много жизней. Когда медицина уже бессильна, я иногда прихожу к несчастным, чтобы утешить их перед смертью.

Врач — Беспорядки... Вернее, их беспощадное подавление.

Священник — Но ведь нельзя позволить беспорядкам разрастаться... Будем надеяться, мирное решение найдётся как можно скорее.

Врач — Надежда — по вашей части, по церковной... А на улицах люди уже не надеются, а требуют.

Священник — Между надеждой и требованиями, возможно, остаётся место для переговоров. Разве вы не верите в мирный переход к демократии?

Врач — Переход к демократии?.. Когда лидера оппозиции только что арестовали и бросили в тюрьму, даже не устроив для вида суд?

Священник — Я не говорил, что одобряю подобные методы...

Врач — С каждым днём репрессии усиливаются... Я больше всего боюсь гражданской войны. Когда она начинается, компромиссам уже нет места. Мир заключают победитель, диктующий условия, и побеждённый, вынужденный сдаться.

Священник — Если начнётся война, проиграют все... А вы верующий, доктор?

Врач — По воскресеньям хожу с семьёй на мессу... Ради атмосферы. Во что-то я верю... В некоторые ценности...

Священник — Уже неплохо...

Врач — Хотел бы я сильнее верить в вашего Бога, отец. Но в наше время поводов сомневаться предостаточно...

Священник — Говорят, мастерство приходит с практикой. А вера порой возвращается через молитву... Потому обряды так важны во всех религиях.

Врач — Раньше я ходил в церковь главным образом ради чувства общности. А теперь в нашей стране прихожане превратились в политическую группировку, и я уже не уверен, что хочу к ней принадлежать.

Священник — Увы, власть во все времена использовала церковь в своих интересах.

Врач — Некоторые считают, что церковь и есть всего лишь орудие власти.

Священник — Вот почему прежде всего нужно верить в Бога, даже если не доверяешь церкви.

Врач — По-моему, прежде чем верить в Бога, надо верить в человека. Вы верите в человека, отец?

Священник — Я верю, что перед Господом он может искупить свои грехи. А в остальном полагаюсь на человеческий закон.

Врач — Понятно... Кесарю — кесарево... А самому умыть руки. Даже когда кесарь стал тираном?

Священнику явно не по себе.

Священник — Моё призвание — слушать, капитан. И доносить на людей не в моём характере. Но советую вам осторожность. Мы во дворце, а не в исповедальне. Здесь у стен бывают уши...

Врач — Полноте, отец... Вы не монах и не живёте за монастырской стеной, отгородившись от мира. Ничего не делая, мы молчаливо соглашаемся. Вы ведь это понимаете... И на вас тоже лежит ответственность.

Священник — Разумеется... Никто из нас не вправе снимать с себя ответственность. Я такой же человек, как и вы. Священникам тоже бывает в чём исповедоваться...

Врач — Исповеди священников, должно быть, не так уж страшно слушать... Тщеславие... Чревоугодие... Искушения... А вот каждое воскресенье, перед службой, выслушивать признания кровавого диктатора... И отпускать ему грехи... Наверное, нелегко.

Священник — Позвольте мне соблюсти тайну, которую налагает моя служба... Но мне кажется, вас тревожит нечто более конкретное.

Врач — Да. Я позвал вас не только ради прививки.

Священник — Слушаю вас.

Врач колеблется.

Врач — Не знаю, слышали ли вы такую историю. В детстве Гитлер однажды зимой упал в реку. Один мальчик, рискуя жизнью, бросился в воду и спас его. Позже этот юный герой стал священником...

Священник — Не слышал... И какой вывод вы из неё делаете?

Врач — Если бы этот добрый человек позволил маленькому Адольфу утонуть, история пошла бы иначе, правда?

Священник — Вероятно...

Врач — Говорят, зло иногда оборачивается добром. Значит, и доброе дело может привести к катастрофе.

Священник — Иногда, наверное.

Врач — Отсюда почти экзаменационный вопрос по философии: действительно ли добро — спасать тонущего тирана?

Священник — Но тогда речь шла всего лишь о ребёнке...

Врач — Да...

Священник — О ребёнке, чья судьба ещё не была предрешена.

Врач — Верно...

Священник — Его жизнь могла сложиться совсем иначе. Если бы он, например, дважды не провалил вступительные экзамены в Венскую академию художеств, возможно, стал бы художником...

Врач — Возможно.

Священник — Вы тогда обвините и экзаменаторов в Холокосте?

Врач — Не знаю...

Священник — В конце концов, судьба человека складывается из множества случайностей.

Врач — А если эти случайности вовсе не случайны? Если всё, что мы делаем, лишь следствие бесчисленных причин, определяющих нашу жизнь? Если всё уже написано заранее?

Священник — Тогда заранее было написано, что Гитлер не утонет. Что он не поступит в художественную академию. И никто не виноват в том, что он совершил впоследствии. Кроме него самого, разумеется.

Врач — Значит, по-вашему, даже предопределённость не отменяет свободы воли?

Священник — Я знаю лишь, что будущего никто не может предсказать наверняка. Вы врач и спасаете человеческие жизни. В том числе жизни детей. Не зная, кем они вырастут...

Врач — А если бы знал?.. Чисто гипотетически. Допустим, я увидел, как тонет маленький Адольф. И знал, кем он станет. Чудовищем...

Священник — Я же сказал: это бессмысленное предположение... И что? Вы позволили бы ребёнку утонуть?

Врач — Вот об этом я себя и спрашиваю... *(Поворачивается к залу.)* И вас тоже.

Священник замирает, словно время остановилось. Свет меняется: обращение врача к зрителям, нарушающее «четвёртую стену», становится паузой в действии спектакля.

Врач — Представьте: вы идёте вдоль реки и видите тонущего ребёнка. Вы знаете, что это Адольф Гитлер. Протянете ему верёвку, чтобы вытащить из воды? Или нет? Вам даже не придётся рисковать жизнью и прыгать в реку. Можно просто сделать вид, что вы ничего не заметили. Здесь выбор не между подвигом и преступным бездействием. Нужно просто принять решение. Ребёнок зовёт на помощь. Что вы сделаете? Бросите ему верёвку или дадите утонуть? Нелёгкий вопрос, правда?

Пауза.

Врач — Кто бросил бы ему верёвку? Поднимите руку... *(Даёт зрителям время поднять руки или не поднимать.)* Кто отвернулся бы и пошёл дальше? Поднимите руку... *(Пауза для ответа зрителей.)* Хорошо... А теперь представьте: перед вами не маленький Гитлер, а политик, который, придя к власти, может стать тираном. Ну, скажем... Тот, о ком вы подумали. Вы протянете ему руку помощи? Или нет? Тоже непросто, правда? Есть ли единственный нравственный ответ на этот вопрос, или каждый случай нужно рассматривать отдельно? И где тогда провести черту? По какому праву мы решаем, кого спасать, а кому позволить умереть?

Возвращаются прежнее освещение и прежняя ситуация, словно этого отступления не было. Действие продолжается с того же места.

Священник — Мне кажется, ваши вопросы не только теоретические.

Врач — Мне действительно нужен совет. Но вы сами сказали: мы не в исповедальне...

Священник — Если хотите, я могу вас исповедать.

Врач — И вы никому не сможете рассказать о том, что я скажу?

Священник — Таков смысл тайны исповеди. Как и врачебной тайны.

Врач — Простите, но в нынешние времена я не хотел бы стоять в очереди к исповедальне.

Священник — Священник может принять исповедь где угодно.

Врач — Здесь? Прямо сейчас?

Священник — Я дворцовый капеллан, капитан. Я к вашим услугам.

Врач — Хорошо. Тогда я хочу исповедаться, отец...

Священник меняет позу, готовясь принять исповедь, и крестится.

Священник — Помолимся вместе, чтобы Господь даровал нам благодать увидеть собственные грехи.

Врач — Аминь...

Священник — Слушаю тебя, сын мой.

Врач — Меня мучает вопрос совести, отец.

Священник — Постараюсь помочь вам разобраться. В согласии с заповедями Господа.

Врач — Несколько недель назад я осматривал Генерала. Обычный профилактический осмотр. И обнаружил сердечно-сосудистую патологию... Позже другие обследования подтвердили диагноз.

Священник — Патологию?..

Врач — Точнее, аневризму брюшной аорты... Да-да, даже у диктаторов есть сердце, знаете ли...

Священник — Печально... И, полагаю, это серьёзно?

Врач — Да.

Священник — Но это лечится?

Врач — Если вовремя обнаружить — операцией и соответствующим лечением. Да.

Священник — И в чём же тогда ваше нравственное затруднение?

Врач — Если я сообщу о диагнозе коллегам, Генерала вылечат и он проживёт ещё много лет...

Священник — И?..

Врач — Если я промолчу, он умрёт в ближайшие недели. Возможно, уже завтра. И диктатура, скорее всего, не переживёт его смерти...

Священник на мгновение теряет дар речи.

Священник — Вы ведь не всерьёз об этом думаете?..

Врач — Уникальная возможность изменить ход истории, не так ли? Положить конец режиму и спасти оппозиционеров, которых каждый день расстреливают в тюремных дворах. Или убивают на демонстрациях прямо на улицах. Вы сами только что говорили о переходе к демократии...

Священник — Обрекая на смерть пациента, который доверил вам свою жизнь?

Врач — Чтобы спасти множество других — да. Почему не назвать это актом сопротивления?

Священник — Потому что прежде всего вы врач, а уже потом гражданин, участвующий в борьбе! Вас связывает клятва Гиппократа!

Врач (цитирует клятву Гиппократа) — «Я никогда сознательно не стану причиной чьей-либо смерти». Primum non nocere...

Священник — «Прежде всего — не навреди»...

Врач — Вот почему я и говорю о муках совести. Передо мной два несовместимых долга. Врач велит видеть в этом человеке только больного и лечить его. Гражданин требует вспомнить его преступления и дать ему умереть, чтобы не допустить новых.

Священник — Вы забываете о долге офицера: подчиняться приказам.

Врач — Подчиняться приказам... Если бы это служило оправданием, на Нюрнбергском процессе всех пришлось бы оправдать. Каждый говорил, что лишь выполнял приказ начальника...

Священник — Вы хотели услышать мой совет, верно?

Врач — Я не обещал ему следовать... Но слушаю.

Священник — Пусть врач исполнит свой долг и останется верен клятве. Офицер вправе отказаться от приказа, который считает бесчестным. А гражданин вправе восстать против власти, если необходимо — участвовать в сопротивлении.

Врач — Но сейчас и офицер, и гражданин бессильны перед безжалостно отлаженной машиной репрессий. Только врач может покончить с диктатурой, приблизив смерть диктатора.

Священник — Значит, вы как врач присваиваете себе право решать, кому жить, а кому умирать? Возомнили себя Богом?

Врач — Раз ваш Бог позволяет тирану оставаться у власти, людям придётся самим сбросить его с пьедестала.

Священник — Но врач, как и священник, выполняет священное служение. Каждый человек вправе получить помощь врача, как бы ни поступал раньше. И каждый обвиняемый вправе иметь защитника, сколь бы страшны ни были его преступления.

Врач (иронически) — И каждому грешнику положено прощение, каковы бы ни были его грехи, верно?

Священник — Если он искренне раскаялся — да.

Врач — Генерал признавался вам на исповеди, что раскаивается в своих преступлениях?

Священник — Это тоже покрыто тайной исповеди.

Врач — Даже если он раскаивается, это не мешает ему безнаказанно убивать противников. Как духовный наставник, простите, вы явно не слишком на него влияете.

Священник — Как и вы, тираны уверены, что действуют на благо народа. Они ссылаются на свою веру и нередко провозглашают себя защитниками религии...

Врач — Похоже, вы сами им не очень верите.

Священник — Не мне судить... Я верю в покаяние и прощение. И я избрал служение Богу.

Врач — А я — людям.

Священник — Да. Всем людям. Без исключения. Врач, священник, адвокат — едва ли не последние люди, которым может безоговорочно довериться даже самый страшный преступник. В этом смысл нашего призвания. Трудного, неблагодарного, но необходимого. Мы — последний заслон на пути варварства. Последняя надежда для тех, кого уже осудил весь мир, но в ком ещё теплится искра человечности.

Врач — Возможно. Но пока мы рассуждаем, людей убивают пулями и пытают до смерти.

Священник — И вы хотите спасти человечество клятвопреступлением и убийством? Покончить с тиранией методами тирана? Отречься от клятвы, которую торжественно дали перед коллегами?

Врач — Я уже сказал: это нелёгкое решение...

Священник замирает. Свет меняется для нового обращения к публике.

Врач (зрителям) — Если бы вы были врачом, как поступили бы на моём месте? (Берёт со стола папку и показывает её залу.) Кто передал бы эти документы коллеге, чтобы спасти Генерала? Поднимите руки! (Даёт зрителям возможность ответить.) Кто запер бы папку в ящик стола и позволил тирану умереть? Поднимите руки! (Даёт зрителям возможность ответить.) Но вы ведь не врачи, верно?..

Возвращается обычный свет, действие продолжается.

Священник — Доктор, вы за смертную казнь?

Врач — Нет... В обычных обстоятельствах нет.

Священник — Смертную казнь либо приемлют, либо нет. Исключений быть не должно, иначе вскоре останутся одни исключения. Жизнь священна. Даже светские государства отменяли смертную казнь во имя этого принципа: чтобы не отнимать человеческое достоинство даже у худшего преступника и сохранить пусть крошечную, но возможность искупления.

Врач — Я поддерживаю право на аборт. А в некоторых случаях — на эвтаназию. Иногда врач может оказаться перед необходимостью прервать человеческую жизнь, нарушив тем самым клятву Гиппократа. Теперь мой вопрос к вам: нужно ли сохранять жизнь любой ценой?

Священник — Как священник, я отвечу: да.

Врач — Значит, вы против аборта даже после изнасилования? Даже если беременность угрожает жизни женщины? И против того, чтобы прекратить невыносимые мучения человека, которому медицина уже ничем не может помочь?

Священник — Как человек, я не могу оставаться глухим к чужому страданию...

Врач — Значит, и вы порой ставите человека выше священника, когда жизнь задаёт трудные вопросы. Вместо того чтобы прятаться за общими нравственными принципами, которые иногда приводят к бесчеловечным решениям.

Священник — Как священник я не вправе никого лишать жизни... Но если бы врач исповедался мне в том, что сделал это при совершенно особых обстоятельствах, и искренне раскаялся, я отпустил бы ему грех.

Врач — Тогда достаточно будет исповедаться после смерти Генерала. И облегчить совесть — свою и вашу.

Священник — Значит, вы уже решили...

Врач — Тем более что вы обещаете меня отпустить от греха.

Священник — Вы намерены сознательно позволить человеку умереть. Я не могу отпустить грех заранее.

Врач — Генерал уже стар... Я всего лишь приближу его смерть на несколько месяцев. А может, дней... Не обязательно называть это убийством... Скажем, я откажусь от бессмысленного продления жизни любой ценой.

Священник — Вы играете словами. Но я не позволю вам совершить такое злодеяние.

Врач — Вы даже донесёте на меня?

Священник — Это мой долг.

Врач — Напоминаю: вас связывает тайна исповеди!

Священник — Да, но существуют исключения из обязанности хранить тайну... В частности, если на кону человеческая жизнь.

Врач — Я вам доверился... А теперь вы говорите, что тайна исповеди не безусловна... Между тем в прошлом церковь молчала о куда более отвратительных преступлениях...

Священник — Если человек рассказывает мне, что намерен убить другого или устроить теракт, я обязан сообщить властям. Даже по законам людей это мой безусловный долг. Иначе я оставлю человека в смертельной опасности, не оказав помощи... Адвокат, узнав, что клиент готовит убийство, должен предупредить полицию. И врач тоже — вам прекрасно это известно.

Врач — Но я никого не собираюсь убивать. Я просто позволю природе сделать своё дело... Или, если угодно, Богу.

Священник — Вы вспоминаете о Боге, когда вам удобно. Хотя в Него не верите.

Врач — Значит, вы сами нарушите свой обет?

Священник — Я уже говорил: речь о спасении жизни. В таком случае никакая клятва не связывает мне руки.

Врач — Даже если, выдав меня полиции этого тоталитарного режима, вы обрекаете меня на верную смерть?

Священник — Достаточно исполнить свой врачебный долг — и вам ничто не будет грозить...

Врач — Я исполню гражданский долг.

Священник — Тогда вы не оставляете мне выбора...

Врач — Вы уверены, что донести на меня хочет священник, а не офицер?

Священник — Сначала я священник, потом офицер. Но прежде священника я человек. И как человек не позволю вам лишить жизни другого.

Звонит телефон. Врач берёт трубку.

Врач — Да, сержант? Слушаю... Понятно... Хорошо... Приду как можно скорее... *(Кладёт трубку.)* Лидера оппозиции нашли повешенным в камере...

Священник потрясён.

Священник — Какой ужас...

Врач — Меня вызывают констатировать смерть и официально подтвердить, что это самоубийство. Видите, отец, Генерал даже не пытается скрывать убийства противников. Он совершает их у всех на глазах. А мне, как судебно-медицинскому эксперту, велено выдавать убийства за самоубийства.

Священник — Какая низость... И вы согласитесь участвовать в этом фарсе?

Врач — Минуту назад вы советовали мне просто выполнять приказы!

Священник — Здесь я с вами согласен: незаконным приказам надо не подчиняться.

Врач — Я уже сказал, как можно безболезненно остановить эту волну насилия...

Действие снова замирает, свет меняется: новое обращение к зрителям.

Священник (зрителям) — Раз уж я не могу спросить совета у Господа, придётся обратиться к вам... Представьте, что вы священник. Как бы вы поступили? Кто сообщил бы на врача, услышав его исповедь, чтобы спасти жизнь человеку, пусть даже безжалостному тирану? Поднимите руки. (Даёт зрителям время ответить.) Кто промолчал бы и позволил врачу совершить убийство, не оказав помощи пациенту? Поднимите руки. (Пауза для ответа зрителей.) Но вы ведь не священники, верно?

Возвращается прежнее освещение, действие продолжается.

Священник — Признаюсь, перед лицом такого насилия я чувствую полное бессилие...

Врач — Если вы заговорите, моя смерть будет на вашей совести. Вы видели, как Генерал расправляется с противниками. И меня найдут повешенным в камере... Вы действительно донесёте?

Священник — Не донесу, если вы меня остановите...

Врач — Остановлю? Как?

Священник — Убьёте и меня...

Врач — Вы этого хотите?

Священник — Решение за вами.

Врач — Чтобы самому не пришлось выбирать... За кого вы себя принимаете, отец, предлагая себя в жертву? За Иисуса Христа? Но ваша жертва бессмысленна... и никому не поможет!

Священник — Иисус принёс себя в жертву, чтобы дать людям возможность примирения. В этом и заключается смысл религии: связывать людей друг с другом. И смысл евхаристии тот же — причастность, единение всех людей...

Неловкое молчание. У врача, кажется, иссякли доводы.

Врач — Ну что ж... Месса окончена, отец... Пора делать укол.

Священник — Я готов.

Врач готовит инъекцию. Священник следит за ним.

Врач — Не бойтесь, больно не будет. Почти ничего не почувствуете...

Священник — Я полностью вам доверяю... Как и все ваши пациенты.

Врач делает ему укол.

Врач — Так вы точно ничего не хотите выпить?

Священник — От стакана воды не откажусь.

Врач — Сейчас принесу...

Врач выходит. Священник замечает на столе медицинскую папку, берёт её в руки, но не открывает. Врач возвращается со стаканом воды.

Врач — Осторожнее, отец... Врачебная тайна.

Священник — Всё равно я не смог бы разобраться в этих снимках...

Врач протягивает стакан; священник берёт его.

Врач — Вот ваша вода.

Священник — Последний стакан приговорённого?..

Врач — Вы и правда готовы пожертвовать собой, лишь бы не брать на себя ответственность?

Священник — Чтобы уйти от ответственности — нет. Чтобы не предавать своих убеждений — возможно.

Врач — А не способ ли это сбежать от действительности, чтобы не смотреть ей в лицо? Может, вам и в самом деле следовало стать монахом.

Священник — Наверное, так было бы проще.

Врач — И всё ради того, чтобы спасти человека, виновного в преступлениях против человечности.

Священник — Его будет судить Бог. Или человеческий суд.

Врач — Пока что суд здесь — это он. И утверждает, что вершит правосудие именем Бога.

Священник — Поверьте, я не одобряю эту новую инквизицию.

Врач — Но вы ничего не сделали, чтобы ей помешать... Когда режим падёт, вас могут вызвать свидетелем. Невзирая на тайну исповеди... Вас обвинят в сотрудничестве с режимом.

Священник — Да... Как и вас. Вы ведь личный врач Генерала. И пока не прославились как непримиримый противник диктатуры... Может, вы хотите покинуть тонущий корабль перед самой катастрофой, позволив капитану утонуть, только чтобы обеспечить себе спокойное будущее?

Врач — Увы, даже героем сопротивления в последний час мне не стать. Я ускорю смерть тирана, но нарушу врачебную клятву и не смогу хвастаться своим подвигом.

Священник — Вы могли бы убить его открыто. Выстрелить. Вы офицер, у вас есть оружие, и Генерал регулярно приходит к вам на приём.

Врач — Боюсь, героем мне не быть. Я не Брут, который заколол Цезаря перед сенаторами. У меня не хватит мужества. В отличие от вас, я не стремлюсь к самопожертвованию. Да, я трус.

Священник — И потому вам больше подходит тайное убийство, не так ли?..

Врач — Преступление без наказания... Но и без посмертной славы.

Священник — Насчёт наказания ещё неизвестно. Диктатура, возможно, вас не казнит за смерть Генерала. Зато освободители могут осудить вас за сотрудничество с режимом. Как и меня...

Врач — Видите, для меня тоже нет хорошего выхода. И вы правы: по большому счёту я это заслужил. Вначале я поддержал переворот. Хотел спастись от хаоса. Поверил, что возвращение порядка принесёт благо. Но порядок, который сильные навязывают слабым, очень быстро оборачивается новым беспорядком.

Священник — Увы, и порядок, и беспорядок подчиняются праву сильного.

Врач — Так что же делать?

Священник — Человеку суждено идти без карты через пустыню, где нет дорог, в поисках оазиса, которого не существует. Потому лучше, когда в пути его сопровождает вера...

Врач достаёт из папки медицинский снимок.

Врач — Или свет науки... Вам знакома семиология, отец?

Священник — Наука о знаках. Вера не означает равнодушия к науке, доктор. И среди величайших учёных, между прочим, немало верующих.

Врач — В медицине семиология изучает признаки болезни: по ним ставят диагноз и назначают лечение. В каком-то смысле врачи — наследники древних прорицателей, которые читали будущее по внутренностям жертвенных животных.

Священник — В Древнем Риме по внутренностям гадали гаруспики. А авгуры толковали прежде всего полёт птиц...

Врач — Как бы то ни было, эти предсказатели ведь и ваши предшественники, верно?

Священник — Да. Когда-то мы с вами занимались одним делом. Наука и религия разошлись совсем недавно. К счастью — и порой к несчастью...

Врач вынимает снимок и смотрит на него.

Врач — Читать знаки... В конце концов, медицина и теперь не точная наука... А вдруг я просто ошибся? Для остальных это была бы обычная врачебная ошибка...

Священник — Но вы-то будете знать, что сознательно позволили пациенту умереть.

Врач — А я буду думать о тех, кого спас.

Священник — Как древние прорицатели, о которых вы говорили, вы думаете, что знаете будущее и способны в одиночку изменить ход истории?

Врач — Попробовать можно...

Священник — Откуда вам знать, что смерть диктатора не приведёт к кровавой бойне? К гражданской войне? К массовым расправам? Возможно, эту диктатуру сменит другая, ещё более жестокая. История знает: за революцией может прийти террор.

Врач — И что же? Ничего не делать? Не сопротивляться? Даже если ты трус, но можешь что-то изменить, ничем не рискуя?

Священник — Не знаю...

Врач — А вас самого никогда не мучит совесть?

Священник — Мучит... Но я верю в данное слово. В клятвы, которые мы оба принесли. Каждый по-своему дал обет. Мы обязаны держать слово, что бы ни случилось. Иначе ничто не устоит. Закон порой бывает несправедлив в применении, но без закона нет цивилизации. А без верности данному слову нет человечности...

Врач — Слово бывает и оружием. Диктатор — тот, кто диктует. Диктует свой закон. Закон сильного.

Священник — А тот, кто по собственной воле, вопреки закону, выносит смертный приговор? Разве он сам не становится потенциальным диктатором?

Врач — Законы существуют, чтобы их толковали. Бывают в жизни моменты, когда смерть одного человека — наименее дурной из всех выходов.

Священник — Возможно, сегодня. Но если запустить этот механизм, не раздавит ли он однажды и нас самих? Не должен ли каждый из нас в какой-то момент решить разорвать круг насилия?

Врач — Значит, и вы, как тот будущий священник, спасли бы Гитлера из реки.

Священник — Я спас бы ребёнка. Не осудил бы его заранее. Иначе пришлось бы превентивно сажать в тюрьму всех фанатиков, ведь они могут стать террористами. А затем всех верующих, ведь они могут стать фанатиками. У правителей тогда появится прекрасный повод бросить за решётку каждого, кто думает иначе...

Врач — Но именно так и устроена эта диктатура, которая всё больше похожа на теократию!

Священник — Верно. Именно поэтому те, кто её свергнет, должны любой ценой избежать повторения этой смертельной модели.

Врач — Вы сами только что сказали: если известно, что человек готовит теракт, разве его не нужно остановить?

Священник — Но знать наверняка невозможно...

Врач — Абсолютной уверенности нет, согласен... Но иногда приходится защищаться ещё до нападения. Никто не знает, заразитесь ли вы вирусом, однако вы соглашаетесь на прививку.

Священник — Нельзя сравнивать худших людей с опасными вирусами, которые надо уничтожать заранее, отказывая этим людям в самой человечности. Зло живёт прежде всего в каждом из нас. Нужно бороться с ним в себе, прежде чем искать его в других.

Врач — Со своей тёмной стороной я разберусь. Но это не остановит руку убийцы, готового нанести удар.

Священник — Сегодня существуют модели, якобы позволяющие предсказать, кто станет преступником. Почти со стопроцентной точностью, уверяют нас. Нужно ли заранее сажать таких людей в тюрьму?

Врач — Опасных душевнобольных ведь изолируют.

Священник — Потому что они не способны свободно отвечать за свои поступки...

Врач — А беременность порой прерывают после анализа, показавшего, что у ребёнка будет синдром Дауна.

Священник — И тут возникает вопрос об евгенике... Следует ли избавляться при рождении от всех носителей гена наследственной болезни? Чтобы они не стали тяжёлым бременем для себя и общества?..

Врач — Но в случае евгеники речь не о преступниках.

Священник — Некоторые утверждали, будто нашли «хромосому преступности»... Современная наука странным образом возвращает нас к френологии XIX века, обещавшей выявлять врождённые пороки по форме черепа... Отсюда уже недалеко до псевдонаучного безумия нацистских врачей, которое привело к массовому уничтожению людей ради чудовищной мечты о высшей расе. Разве об уровне цивилизации не говорит прежде всего то, как она относится к слабейшим?

Врач — Пока речь о том, какую участь заслужил самый сильный человек этого режима. Вы действительно считаете, что Генерал ещё способен исправиться? И насколько искренним будет его раскаяние, когда толпа уже шумит у ворот Президентского дворца?..

Священник — Судить об этом должны человеческие суды, разбираясь в его ответственности. Сколько свободы остаётся нам перед лицом предопределённости? Вот вопрос... Если судьба решена при рождении, мы не люди, а заранее запрограммированные машины. Я не хочу жить в таком мире. Если одни запрограммированы творить зло, а другие — добро, нет ни свободы, ни ответственности, ни возможности искупления. Тогда остаётся лишь научно отделить зёрна от плевел, пока все сорняки не будут окончательно истреблены. Разве это не тоталитарное общество?

Врач — Я верю в свободу. Но она не безгранична... Мы более или менее свободны выбирать ответ, однако самого вопроса не выбираем. Возьмите многодетную семью. Все дети растут в одних обстоятельствах. Но каждый отвечает на них по-своему — в зависимости от своего характера и решений.

Священник — Да... Жертва насилия может сама стать жестокой, а может и не стать. Здесь человек делает выбор. Но мне хочется верить в то, что сегодня называют психологической стойкостью, способностью преодолеть травму.

Врач — Разумеется. Мы выбираем, исходя из обстоятельств, которые нам навязаны, и из того, кто мы есть. Но выбираем ли мы сами, кто мы есть?

Священник — Думаете, Генералу было предначертано стать диктатором? Что у него не было выбора? И потому его следовало уничтожить ещё при рождении? Как маленького Гитлера — утопить?

Врач — Не знаю... Пожалуй, эти философские споры немного бесплодны... Пока прямо у нас под окнами люди борются, чтобы изменить историю.

Пауза. С улицы доносятся крики толпы и очереди автоматического оружия.

Священник — Увы, сейчас мы, как врач и священник, можем лишь бессильно ждать исхода этого столкновения. Кстати... почему вы решили стать врачом?

Врач — Мой отец был хирургом. Один брат — рентгенолог, другой — стоматолог. Тяжёлая наследственность. А у вас? Надеюсь, ваш отец не был монахом.

Священник — Мой отец был мясником... В Бога не верил и моего решения стать священником не одобрил.

Врач — Наверное, он огорчился, что некому унаследовать семейную мясную лавку...

Священник — Сын-священник... Думаю, он предпочёл бы услышать, что я гей...

Врач — Вы единственный ребёнок?

Священник — У меня четыре сестры. И ни одна, уверяю вас, не ушла в монастырь...

Врач — Четыре сестры... А носить платье решили именно вы.

Священник — У вас есть дети, капитан?

Врач — Сын.

Священник — Если бы ваш сын совершил преступление и пришёл к вам раненым, прося помощи, вы позволили бы ему умереть?

Врач — Наверное, нет.

Священник — Став священником, я решил, подобно Господу, считать всех людей своими детьми. Поймите, почему я не могу согласиться дать умереть хотя бы одному из них, даже самому страшному.

Врач — Мой сын храбрее меня. Сейчас он на баррикадах. Его могут убить в любую минуту. И ради него я хочу как можно скорее покончить с этим режимом. А значит, с этим тираном.

Священник — Но ничего ещё не предрешено. Худшее не обязательно случится.

Врач — Боюсь, оно более чем вероятно...

Пауза. Снаружи снова слышны крики и шум.

Священник — В каком-то смысле мне вас жаль... Должно быть, очень печально жить в мире, где всякая человеческая жизнь предрешена заранее.

Врач — Зато преступникам очень удобно ссылаться на предопределённость, чтобы снять с себя ответственность. Знаете другую притчу? Человек увидел змею, придавленную камнем. Змея умоляла освободить её и обещала не кусать. Человек поднял камень, а змея его ужалила. А когда человек стал умирать, змея извинилась: ничего не поделаешь, убивать — в её природе.

Священник — Значит, и в моей природе — не позволить вам совершить это преступление.

Врач — Даже ценой доноса, который обречёт меня на верную смерть?

Священник — Если вы не оставите мне выбора.

Врач — Вы этого не сделаете.

Священник — Потому что вместо вакцины вы ввели мне яд? Как та змея из вашей притчи?

Врач — Вы думаете, я так поступил?

Священник — Вы могли молча дать Генералу умереть, ничего мне не рассказывая. Вы ведь уже всё решили? Зачем же исповедоваться мне в преступлении, которое только собираетесь совершить?

Врач — Может, мне нужно было, чтобы меня поддержали... Я трус, говорил же. Мне требовалось ваше благословение...

Священник — Если вы и вправду ввели мне яд, знайте: я вас прощаю... И вы избавите меня от мучительного выбора...

Врач — Разве не этого вы хотели?

Священник — Пока я жив, буду молиться за вас...

Врач — Наверное, впервые в истории священника убивают во время исповеди, а он тут же прощает убийцу.

Священник — И всё же жаль, что я не сумел вас убедить...

Пауза.

Врач — Бросить тонущему тирану верёвку или нет?.. Разве что затем, чтобы его повесить...

Звонит телефон. Врач отвечает.

Врач — Да, сержант... Да... Когда? Это ужасно, конечно... Понимаю... Хорошо... *(Кладёт трубку.)* Генерал только что умер от сердечного приступа...

Священник — Боже милосердный...

Врач — Вы же знаете, Бог тут почти ни при чём...

Священник — Но теперь, когда вы уже совершили свой грех, я могу дать вам отпущение...

Врач — В самом деле?

Священник — Если вы искренне раскаиваетесь.

Врач — Во всяком случае, я не горжусь тем, что сделал.

Священник — Мне этого будет достаточно... Бог, Отец милосердия, примиривший с Собой мир смертью и воскресением Сына Своего, да дарует вам прощение и мир. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа отпускаю вам грехи, в которых вы исповедались, и возвращаю вас в общение Церкви. Господь да пребудет с вами.

Врач — А то, что я убил вас, вы тоже мне отпустите?

Священник — Я уже простил вас. Но чтобы отпустить этот грех, нужно, чтобы преступление действительно совершилось и я был уже мёртв. Это затруднительно... Придётся найти другого духовника.

Врач — Понимаю...

Священник — Но вы ведь не отравили меня на самом деле, правда?

Врач — А вы? Вы действительно донесли бы на меня?

Священник — Кто знает...

Врач — Одно могу сказать: от заразной болезни вы не умрёте... Прививка защитит вас на несколько лет.

Священник встаёт, собираясь уйти. Звонит телефон. Врач отвечает.

Врач — Да, сержант... Спасибо, что предупредили... *(Кладёт трубку.)* Демонстранты прорываются во дворец. Скоро нам придётся отвечать за свои поступки...

Священник — Да поможет нам Бог...

Врач достаёт из ящика пистолет и кладёт на стол.

Врач — На Бога надейся, а сам не плошай.

Священник — Против кого вы собираетесь применить это оружие, капитан? Против вчерашних товарищей или против сегодняшних друзей, которые едва ли считают вас своим?

Врач — Увидим, отец. А пока надо спасать собственную шкуру. Не будем здесь оставаться...

Оба поднимаются, чтобы уйти.

Темнота.

Конец.

Об авторе

Жан-Пьер Мартинес родился в 1955 году в Овер-сюр-Уаз (Франция). Впервые он вышел на сцену как барабанщик нескольких рок-групп, затем работал семиологом в рекламе. Позднее стал сценаристом телевидения, а затем вернулся в театр уже как драматург. Он написал около ста сценариев для телевидения и 123 пьесы, некоторые из которых стали классикой его репертуара («Пятница, 13-е», «Стрип-покер»). Его пьесы ставились более чем в 100 странах и были переведены примерно на 50 языков.

Любительские и профессиональные театральные коллективы могут бесплатно скачать пьесы Жан-Пьера Мартинеса с его сайтов:

https://jeanpierremartinez.net/

https://comediatheque.net/

Однако право на публичное исполнение произведения охраняется законом, а авторское вознаграждение является справедливой оплатой труда драматурга. Независимо от того, является ли театр любительским или профессиональным, для постановки необходимо предварительно получить разрешение и уплатить соответствующее авторское вознаграждение.

Интересы Жан-Пьера Мартинеса представляет французское Общество драматических авторов и композиторов (SACD).

Чтобы связаться с Жан-Пьером Мартинесом и запросить разрешение на постановку одной из его пьес, воспользуйтесь контактной формой на его сайтах.

Недавно Жан-Пьер Мартинес вновь обратился к музыке и начал писать оригинальные песни по мотивам своих стихотворений и пьес.

В проекте Jean-Pierre Martinez Music он продолжает развивать свой творческий мир через авторские песни — маленькие музыкальные истории, то ироничные, то меланхоличные, порой напоминающие миниатюрные театральные сцены.

https://jeanpierremartinezmusic.com/

Все пьесы Жан-Пьера Мартинеса можно скачать бесплатно с его сайтов:

https://jeanpierremartinez.net/

https://comediatheque.net/

Настоящее произведение охраняется законодательством об авторском праве и международными соглашениями.
Любое использование произведения с нарушением авторских прав, включая его публичное исполнение без предварительного разрешения правообладателя, может повлечь гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность в соответствии с применимым законодательством.

Авиньон — сентябрь 2026 г.
© La Comédiathèque – ISBN 978-2-38602-507-5

Пьеса доступна для бесплатного скачивания